

Часть первая

**ПЕРЕЕХАТЬ
С КОРНЯМИ**

Оливер

Возле нашего дома мою маму ждал какой-то дядька. Не папа. У дядьки были светлые крупные кудряшки, а стоял он, привалившись к дверце черной машины. Из окна кухни я смотрел на него и на маму: она бежала к дядьке, сжимая в руках картонную коробку. Коробка эта, с большими буквами «ЮЛИЯ», несколько дней стояла у нас в коридоре. Из нее торчали подсвечник и какие-то штуки для растений. Дядька взял у мамы коробку и положил на заднее сиденье. Потом он сел в машину и завел двигатель. Мама обернулась к дому. Она смотрела на папу — тот стоял у двери в пижамных брюках, голубых с синими полосками, почти как у арестанта.

Я лег на кровать и взял телефон.

— Ты где? — написал мне Межди.

Вместо ответа я бросил телефон на матрас и уставился в потолок. Сколько я так пролежал — не знаю. У меня вообще со временем сложности. Но затем в дверь постучали.

— Оливер?

Голос у мамы — как в тот раз, когда она забыла забрать меня из детского садика и мы с воспитательницей всё стояли под дождем и ждали ее.

Она подергала ручку.
— Оливер, открой. Я поехала.
Я замер и лежал тихо-тихо.

Поставив одну ногу на самокат, Мехди стоял возле скейт-парка. Он у нас тут лучше всех на самокате гоняет.

— Чего случилось? — Он посмотрел на меня. — Мы же вчера играть собирались.

— Да я чего-то уснул. — Я повернул самокат и проехал мимо него.

— Уснул в восемь вечера? — Он нагнал меня.

— Да чего ты примотался ко мне? — отмахнулся я.

Мы подъехали к школе, и, как только оказались во дворе, Мехди начал озираться. Его взгляд остановился на крыльце — там стояли три девчонки.

— Вон. — Он толкнул меня в бок. — Вон она.

— Ты о чем?

— Не о чем, Олли, а о ком. О Леа Нильсен.

Я посмотрел на девчонок и на Леа. Она стояла к нам спиной. У Леа были длинные каштановые волосы, а под мышкой она сжимала лонгборд.

— А чего с ней?

— Мы с ней будем встречаться.

— А-а, — я кивнул, — она сама-то в курсе? Или как?

— Здорово. — Между нами втиснулся Якоб. Физиономия у него блестела от пота, потому что он сюда добирается из Старого города и всю дорогу поднимается на самокате в горку.

— Вот в этом-то и суть. — Мехди смотрел на меня. — Скоро будет в курсе, — слово «будет» он как-то особенно протянул, а после поднял вверх руку. Когда он ее опускал, рука превратилась в кулак, и кулак этот замер прямо передо мной. Я тупо пялился на него.

— Эй, чего тянешь!

Я ухмыльнулся и тоже поднял руку. Наши кулаки трижды ударились друг о дружку, а потом мы, расставив пальцы, медленно опустили руки.

— Звонок уже был, — сказал Якоб.

— А ты прямо у нас такой наблюдательный, Якки, — похвалил Мехди.

Мы заехали в класс, поставили самокаты в углу возле доски и сели, мы с Мехди вместе на среднем ряду, а Якоб — позади нас. От света резло глаза. Эйрик, учитель, стоял возле доски.
— Оливер, в классе куртку мы снимаем, — сказал он.

— Разве? — Я снял куртку.

— И шапку тоже желательно снять.

— А я замерз. — Я навалился грудью на парту.

Эйрик расстроено покачал головой и хлопнул в ладоши, призывая к тишине. Он принялся расхаживать по классу и заговорил о наших целях на учебный год.

— Я прошу каждого из вас подумать, что бы вы хотели успеть до летних каникул, — говорил он. — Определитесь, какие у вас цели.

— А выжить — недостаточно? — спросил Мехди. Он раскачивался на стуле и ухмылялся. Остальные засмеялись.

— А больше у тебя никаких целей нет, Мехди? — спросил в ответ Эйрик. — Какой-то ты скромный. — Ну ладно. — Мехди привел стул в исходное положение, и ножки громко стукнули о пол. — Я научусь делать вип фронт скут на самокате. И начну встречаться с девушкой моей мечты.

Якоб присвистнул.

— Ага, — Эйрик кивнул, — хоть какие-то амбиции у тебя есть! А что со школой? Здесь у тебя есть какие-нибудь цели?

Мехди отвел взгляд. Я закрыл глаза. Как же хорошо иногда посидеть без света.

— В этом году мы с вами займемся одним проектом, — сказал Эйрик. — Он будет междисциплинарным: это означает, что вам надо будет осветить выбранную тему с точки зрения разных наук.

— И какая тема? — громко спросил Якоб.

— Тело человека, — ответил Эйрик. — Каждый из вас выберет какой-нибудь орган — это и будет тема проекта. Выбор за вами. Орган может быть крупным или не очень, заметным или незаметным.

— Это вы про пенис? — спросил я и выпрямился.

Все расхохотались. Сара закрыла лицо рукавом свитера.

— Нет, Оливер, я не про пенис. А ты, я вижу, этот орган выбрал, да?

Все заржали еще громче. Я натянул шапку на глаза и снова лег на парту.

— Под незаметными я имею в виду внутренние органы. Желудок, поджелудочная железа, легкие и так далее.

— Фу-у! — хором выпалили Сара и Эрле.

— Может, и так, — Эйрик кивнул, — но мы зависим от этих органов. И подобные проекты — это интересно. Взять, например, легкие. Про них можно рассказывать в связи с тренировками: какая нагрузка на легкие возникает при беге и во время физических упражнений. Но и математика будет нелишней — с ее помощью можно высчитать объем легких, а про дыхание написано немало стихов — вот вам связь с литературой. И не исключено, что про выбранный орган вы найдете какую-нибудь цитату из художественного произведения, в прозе или стихах. Возможностей море. Главное — раскрыть тему, глядя на нее под различными углами.

— Но зачем это надо-то все? — спросил Мехди.

— Учителя решили, что это отличный способ увидеть взаимосвязь между школьными предметами. Так вы научитесь не загонять мышление в рамки. В конце года вы сделаете презентацию и расскажете, как выбранный вами орган представлен в различных дисциплинах. Слушать вас придут учителя, которые ведут эти предметы.

Я осторожно приподнял шапку и посмотрел на парту у стены. Новенькая — хотя вообще-то

она с нами уже некоторое время — все усердно записывала. Ее щеку с пятном я не видел. На парте у нее лежали здоровенные черные наушники. Вообще не понимаю, в чем смысл вот так музыку слушать: звук в этих приблудах такой, что мозг разрывается. Глаза у меня опять закрылись, и на веках изнутри заплясали желтые, зеленые и красные полоски. Голоса одноклассников уплыли куда-то далеко-далеко.

— Оливер?

Я открыл глаза. Надо же — я, похоже, заснул.

— У тебя все в порядке? — спросил Эйрик.

— Да, все нормально. — Я выпрямился и увидел перед собой на парте лист бумаги. Сверху было написано: «План проекта».

— Я просто что-то подустал.

— Ты постарайся выспаться по ночам, ладно? — посоветовал Эйрик.

Картонная коробка из коридора исчезла. Я посмотрел в зеркало. У меня карие глаза, как у папы, а волосы почти черные, мамины. На полу рядом с полкой для обуви валялась табличка с именами — прежде она висела у нас на двери. «Теодор, Юлия и Оливер Гофте». Я бросил куртку поверх таблички и двинулся дальше, в квартиру.

— Я дома! — крикнул я.

Папа не отвечал. Я зашел на кухню. Он в своей арестантской пижаме сидел за столом и смотрел в окно.

— Она забрала с собой Бонни, — сказал он, заметив меня.

— В смысле? — Я открыл холодильник. Внутри валялось одно старое авокадо. — Какого еще Бонни? — Я закрыл холодильник и повернулся к папе.

— Бонсай, — пояснил он.

— Это та зеленая хрень, которая на подоконнике стояла? У нее что, и имя было?

— Да, — ответил папа, — Бонни. Бонни Бонсай.

Чудненько — подумал я. Мама свалила и теперь живет в западной части города, а папа целый день бродит в пижамных штанах и чуть ли не рыдает по какому-то поганому растению.

— А-а, — я понимающе кивнул, — то есть у меня сестричка была? Или это братик? Какого оно пола — это ваше Бонни?

Папа поднял взгляд и быстро-быстро закивал. Да уж, момент для шуток неподходящий. Впрочем, подходящего момента уже давно не было.

— Ладно, папа. — Я уселся за стол рядом с ним. — Почему его Бонни-то назвали?

Он отхлебнул минералки из стоящей перед ним бутылки и пустился в объяснения. Когда они с мамой были студентами, то купили это деревце бонсай. Я тогда еще не родился.

— Ты же знаешь, какая она была... И есть... Она все время что-то придумывает, вот и предложила дать ему имя. Мол, так мы к нему сильнее привяжемся и не забудем поливать. Растения бонсай надо поливать каждый день, — добавил он.

— А-а, ясно. — Я потянулся за минералкой. Она была теплая и совершенно выдохлась, поэтому я вернул бутылку на прежнее место, встал и подошел к раковине налить воды прямо из-под крана. Я открыл посудный шкафчик, но там оказалось пусто, а все стаканы куда-то подевались.

— Все в посудомойке, чистое, — сказал папа.

Я открыл посудомойку и достал стакан.

— Ладно, пап, — сказал я, — что дальше-то было?

Я налил в стакан воды и вернулся за стол.

— Мы стояли в цветочном магазине, когда Юлия предложила дать ему имя.

Юлия. Вот как, значит, он ее теперь будет называть. Не «мама». Мы посмотрели друг на дружку и одновременно отвели глаза. Он теревил рукав синего шерстяного свитера. На пальце у папы по-прежнему блестело обручальное кольцо.

— «Надо придумать имя на букву „М“», — сказала Юлия, а я не понял и переспросил: «Почему на М?». «Это же дерево масаи, — сказала она, — может, назовем его Мартин? Мартин Масаи?» И она все это так серьезно мне объясняла, а я как засмеюсь. «Ты чего смеешься? — спросила она, — тебе имя Мартин не нравится?» А я хохотал так, что едва не упал и даже на стул сел прямо там, в магазине, чтобы не свалиться на пол со смеху. «Оно называется не масаи, Юлия, — сказал я, когда отсмеялся, — а бонсай. Масаи — это такое племя в Африке».

Я громко расхохотался, и папа тоже. В этой квартире никто не смеялся с того самого дня, когда они с мамой сказали, что им надо поговорить, и закрылись у себя в комнате. Там они просидели несколько часов. И из-за двери доносился плач. Плакали по-настоящему, громко, не так, как сейчас: теперь папа просто беззвучно трясся. Например, перед зеркалом в ванной, когда замечал что-нибудь из забытых ею вещей, или вечером, когда сидел на диване и думал, буд-то я уже сплю.

— Ты бы видел ее лицо в тот момент. Такой улыбки я никогда не видел. А ты же знаешь, когда мама смеется, из глаз у нее текут слезы, вот и в тот момент тоже потекли, и мы всё хохотали и хохотали, остановиться не могли. Смеялись всю дорогу до дома, пока шли, пока в автобусе ехали... А когда пришли домой, она сунула его под кран и сказала: «Ну что ж, бонсай, нарекаю тебя Бонни. Бонни Бонсай».

Он схватил меня за руку. Мы посмотрели друг на друга. Тупо как-то выходит, но мы, похоже, сделались как мама: мы тоже смеемся до слез.

— Представляешь? — спросил папа.

Алина

Сюзи подняла лист бумаги с обратным отсчетом дней до каникул.

— Осталось всего два месяца и три дня! — объявила она.

Было утро, она позвонила мне с видео, и я улыбалась, хотя изо рта у меня торчала зубная щетка. Два месяца и три дня. Тогда закончится испытательный срок нашего пребывания в городе. Осталось потерпеть совсем чуть-чуть. Сюзи повесила листок обратно на стену и спросила, готова ли я.

— Ага, — я вытащила изо рта щетку, — готова.

Она поискала что-то в телефоне, а потом зазвучала наша песня, и Сюзи принялась танцевать. Вскоре мы пели уже дуэтом, а я держала перед собой щетку, будто это микрофон.

В дверь постучали.

— Алина! — кричал папа, — прекращай, хватит! Я же запретил тебе устраивать шумные видеоконференции по утрам!

Сюзи выключила музыку и зажала рот рукой.

— «Видеоконференции»? — переспросила я, но дверь не открыла. — Ты вообще в каком веке живешь? И чего ты не спишь?

— Хороший вопрос!

— Прости, Сюзи, — проговорила я в камеру, — у меня тут отец из восемнадцатого века спать хочет.

Она рассмеялась.

Я высунулась за дверь и посмотрела на папу. Его всклокоченные волосы торчали во все стороны. Одет он был в древнюю футболку, которая выцвела и из черной превратилась в серую.

— Спокойной ночи, папа, — и я показала на лестницу.

В ответ он поднял кулак с оттопыренным большим пальцем и пошел вниз. Я подождала, пока он закроет дверь в спальню.

— Прости, — сказала я Сюзи, — он, похоже, сейчас и по ночам работает: песню одну сочиняет.

— Ясно, — ответила она, расчесываясь.

Но я знала, что ничего ей не ясно. Знала, что она злится на папу, потому что он заставил нас переехать. Я тоже на него злюсь. Я понимаю, что все артисты тут и что ему, музыкальному продюсеру, важно, как он сам говорит, держать руку на пульсе. Но ни мне, ни маме руку на пульсе держать не требуется, нам и на прежнем месте неплохо было. Мама уже почти год работает из дома, потому что у ее архитектурного бюро нет представительства в этом городе.

Судя по звукам, мама была на кухне. Вот она никогда на шум не жалуется, потому что она — глухая. — Эй, ты чего залипла? — Сюзи замахала руками.

— Прости, — я улыбнулась, — пойдешь сегодня к Йенни Бонд?

— Ясное дело! — ответила она, — коричневая крольчиха совсем скоро родит!

Бабушка Сюзи — вроде как и моя бабушка тоже. Мы с первого класса к ней после школы заходили, прямо каждый день. У нее живут кролики, а в саду растет слива. А еще у нее старая машина, на которой она гоняет по деревне.

— Привет ей передавай, — я снова улыбнулась.

— Ага, ладно, — пообещала Сюзи.

Мы помахали руками, послали друг другу воздушные поцелуи и попрощались.

Я отбросила в сторону волосы и посмотрела на большое и красное родимое пятно на правой щеке. Как будто кто-то окунул кисть в краску и ткнул мне в лицо. Мама — она вообще оптимистка — говорит, что это отметина от Божьей кисточки. Хотя в Бога она не верит. А вот я все не могу взять в толк, зачем Бог такое сотворил.

Я прикрыла щеку волосами, спрятала телефон в сумку и пошла в комнату за наушниками. Они лежали на кровати рядом с «Маленьким принцем» — эту книгу мне перед отъездом подарила Йенни Бонд. — Она про человека, который живет в полном одиночестве на собственном астероиде, — сказала она тогда, — и он чем-то похож на каждого из нас.

Я взяла старую, потрепанную по краям книгу в руки и погладила. Она появилась у Йенни Бонд, когда та была еще совсем маленькой.

Прежде чем уйти в школу, я подошла к маме. Она сидела за своим чертежным столом, и я на языке жестов попрощалась с ней.

Я стараюсь всегда приходиться первой. Тогда не надо ни с кем здороваться. Моя цель в том, чтобы мне стало так плохо, что мы вынуждены будем переехать обратно. Вместе с Сюзи мы составили пять заповедей.

ПЯТЬ НЕРУШИМЫХ ЗАПОВЕДЕЙ АЛИНЫ НА ГОД В ГОРОДЕ

1. Разговаривать с кем-то, только если другого выхода нет.
2. При каждом удобном случае показывать, что переезд — идея просто отвратительная.
3. Не заводить друзей.
4. Не влюбляться.
5. Терпеть. Рано или поздно придет лето.

Я вошла в класс, и Эйрик кивнул. Он вечно смотрит на меня как-то выжидающе, будто думает, что в один прекрасный день я спрячусь под парту или, наоборот, стану болтать без умолку. Я кивнула в ответ и села на свое место у двери. И надела наушники задолго до того, как пришли все остальные.

Одноклассников я узнаю по ногам. У Сары и Эрле одинаковые кроссовки, и ходят они

в ногу. Джейсон носит здоровенные ботсы, а Педер шаркает ногами, как будто хочет собрать с пола всю пыль. Якоб, Мехди и Оливер въезжают в класс на самокатах. Они ставят их в углу возле доски и садятся на средний ряд. На них все смотрят. В первый день учебы Якоб громко заявил: «Географически мы тут в самом центре класса». А я сижу на окраине. И смотрю на их ноги. На черные кеды Оливера с белыми подошвами. Спереди на одном кеде — пятно.

Эйрик хлопнул в ладоши, я сняла наушники и положила их на парту.

— Все ли успели составить план проекта? — спросил он.

Я опустила глаза. Учитель пошел по рядам — собирал заполненные листы. Впрочем, их было немного.

— Всего пять, — он взмахнул листками, — вам сложно выбрать орган, да?

— Ага! — выкрикнул Мехди, качнувшись на стуле и едва не упав.

— Хорошо, тогда объединитесь в группы, — предложил Эйрик, — и обсудите, какой орган вам было бы интересно рассмотреть с разных сторон.

Я достала из сумки тетрадь и сделала вид, что записываю.

Педер ткнул меня в спину.

— Объединяемся в группы, — прошептал он.

— Давай лучше поодиночке, — прошипела я в ответ.

— Ладно.

За весь день в школе это — моя единственная фраза. *Разговаривай с кем-то, только если другого выхода нет.* Эйрик посмотрел на меня. Наверное, задается тем же вопросом, что и я: каким образом Алина Ванг справится с этой презентацией? Я делала вид, будто пишу, но слышала все, что происходило на центральном ряду. Мехди, качаясь на стуле, заявил, что выберет ягодицы, потому что это самый крупный орган. Я осторожно обернулась и посмотрела в их сторону. Эрле и Сара сидели, повернувшись к Мехди с Оливером. Якоб подвинул стул вперед и повернулся боком.

— Мехди, — Сара покачала головой, — ягодица — не самый крупный орган. К тому же это не орган, а мышца.

— Так мышца же — тоже орган, разве нет? — спросил он.

Сара закатила глаза.

— Возможно, ягодичная мышца и большая, но какой самый большой орган? — спросила она.

— Ягодица! — Мехди рассмеялся.

Сара постучала себе по лбу.

— Нет, придурок. Это кожа.

И так до бесконечности. Оливер зевнул и улыбнулся Саре.

Я снова надела наушники.

По-моему, музыка нужна для того, чтобы одиночества в мире стало меньше.

На большой перемене я пошла в магазин возле школы и медленно бродила между полок. Во фруктовом отделе можно часами ходить. Трогать киви, разглядывать маракуйю, выбирать самое красивое яблоко. Один мужчина возле ящика с авокадо никак не мог определиться, какое взять. Он брал их в руки, подносил к глазам и разглядывал. Похоже, он пришел в магазин прямо в пижамных штанах. Я выбрала яблоко и пошла на кассу. Надо вернуться в класс, пока остальные не пришли с баскетбольного поля и из скейт-парка.

— Она держится особняком, — сказал Эйрик перед Рождеством во время беседы с моими родителями, — на уроках не очень активна и на переменах ни с кем особо не разговаривает.

Мама смотрела на меня большими блестящими глазами. Я переводила ей на язык жестов, и меня так и подмывало перевести иначе, сказать, мол, Алина общительная и у нее куча друзей, — просто чтобы мама не расстраивалась. Но рядом сидел папа. И нельзя было нарушать наши с Сюзи заповеди.

«Она держится особняком»...

Мама посмотрела на папу. А папа уставился в пол.

Они познакомились на дискотеке для глухих. Папа был диджеем, а мама состояла в оргкомитете.

На дискотеке для глухих очень громко играют басы: так они чувствуют вибрацию. А танцуют там, как на обычной дискотеке.

Мама обожает танцевать. Но в тот вечер она не отходила от диджейского пульта, и председательница оргкомитета устроила ей за это выволочку, потому что «члены оргкомитета должны подавать остальным хороший пример и танцевать, а не вешаться на диджеев». Папа обожает рассказывать эту историю. Про то, как председательница ругалась на маму на языке жестов, а сам папа стоял рядом и ничегошеньки не понимал. Мама потом написала ему на бумажке все, что председательница ей наговорила. «Она считает, мне надо потанцевать», — написала мама. А папа в ответ накарябал: «Так давай потанцуем?».

Иногда все начинается именно так.

Сейчас папа в своей музыкальной комнате, а мама сидит за чертежным столом, повернувшись ко мне спиной. Она тайком читает книжку, которая лежит рядом на столе. Войдя, я хлопнула дверью, и мама почувствовала вибрацию. Она повернулась ко мне и улыбнулась.

— Привет-привет, — движения ее пальцев складывались в слова, — как день прошел?

— Нормально. — Я положила сумку возле лестницы. — Нам задали проект подготовить.

Она подошла ко мне.

— Что за проект?
— Про какой-нибудь орган человеческого тела. Надо выбрать орган и рассмотреть его с точки зрения разных наук. — Я открыла холодильник.
— Ой, как интересно, — она с деланой веселостью улыбнулась. — И про что будешь писать?
— Пока не знаю. — Я закрыла холодильник. — Еще не выбрала. — Я опустила взгляд.

Мама взяла меня за руки. В этот момент в кухню заглянул папа — и тоже сунулся в холодильник.
— Вы чего тут делаете? — поинтересовался он.
— Говорим о том, что скоро каникулы, — ответила мама, — и это хорошо.

Я не поднимала глаз, но знала, что мама пристально смотрит на папу. А папа включил радио и стал готовить ужин. Нарезать в такт музыке перец.

Я ушла к себе в комнату и увидела, что мне звонила Сюзи.

крошкасуши: привееееееет!

Этот ник мы с ней вроде как вместе придумали. Однажды мы слушали папины пластинки, а одна песня там называлась «Проснись, крошка Сюзи»*. Я тогда взяла пульт так, словно это микрофон, и стала подпевать, потому что подругу мою тоже зовут Сюзи — точнее, Сюзанна, — но в моем исполнении получилось

* Wake Up Little Susie — песня, наиболее известная в исполнении The Everly Brothers. — *Здесь и далее — прим. ред.*

«Проснись, крошка суши». Мы тогда чуть со смеху не умерли.

Вот так она и стала крошкой Суши. А раз у нее съедобное прозвище, значит, и мне надо что-нибудь подобное. Вот я и выбрала малину.

— А что, неплохо, — похвалила тогда Сюзи, — ты тоже маленькая и миленькая. По крайней мере, если слева смотреть.

мАлина: привет!

Она тотчас же перезвонила мне.
— Я тебе сейчас такое расскажу! — закричала она в трубку.

— О господи, неужели коричневая крольчиха родила?! — я едва не запрыгала от нетерпения.

— Нет-нет, я по другому поводу. Бабушку водительских прав лишили! — «Водительских прав» Сюзи произнесла намного тише, чем все остальное, она почти перешла на шепот.

— Ты сейчас у нее? — тихо спросила я.

— Ага, — ответила она, — бабушка налила себе бокал сливового вина и теперь сидит на лужайке перед домом. Говорит, это всё несправедливо.

— Вообще-то это неудивительно, — прошептала я, — она так гоняла!

Сюзи засмеялась.

— Тс-с-с! — она прижала палец к губам. И посмотрела куда-то мимо экрана. — Слушай, Алина, ты прости, но мне пора. Созвонимся попозже!

Я помахала ей рукой, улыбнулась и легла на кровать, представив, как Йенни Бонд сидит на лужайке перед домом. Там я раньше гладила кролика-альбиноса, чувствуя, как бьется под мехом его крошечное сердечко. Прямо как маленький пулемет.

— Кролики могут так сильно испугаться, что у них от страха останавливается сердце, — сказала мне тогда Йенни Бонд.

Я прижала руку к груди.

Может, выбрать сердце?

ПЛАН ПРОЕКТА

Имя: Алина Ванг

Орган: сердце

Рисунок органа:

Описание:

Сердце (латинское название — *cor*) — полая мышца, которая регулярно сокращается и снабжает кровью другие органы тела. Величиной сердце человека примерно с его кулак.

Оливер

— О господи! — завопил папа. — Уже десятый час!

Он стоял на пороге моей комнаты. Волосы у него торчали во все стороны. Я посмотрел на телефон. А ведь папа прав. И мне два раза звонил Мехди, а я и не слышал.

— Черт, — я накрылся с головой одеялом. Придется одеваться, бежать в школу и придумывать оправдание. Опять.

— А завтракать не будешь? — спросил папа, когда я уже стоял перед дверью. Судя по всему, он опять всю ночь продрях на диване в гостиной. — По-моему, у нас еды нету, — ответил я, обуваясь. Таблички с именами на полу больше не было. Я закинул на плечи рюкзак и сбежал по лестнице, держа под мышкой сложенный самокат. Я не оглядывался, но знал, что папа стоит в дверях и смотрит мне вслед.

Какую часть тела выбрать для этого тупого проекта, я понятия не имел. С меня и целого тела хватит — оно сидит у нас дома и не знает, что делать. В пижаме сидит. Ему уже звонили с работы и спрашивали, когда он вернется. Оказывается, бывают такие больничные, которые предполагают частичную занятость: день

сидишь дома, день пасешься на работе. Но всю прошлую неделю занятость у папы была нулевая. Он вообще не вставал с дивана.

Я вошел в класс. И почти сразу прозвенел звонок.

— Ой, добро пожаловать! — сказал Эйрик. — Как приятно тебя видеть! А мы как раз сдаем планы проектов. Ты тоже свой сдашь, верно?

Я стоял на пороге, и все на меня пялились.

— Вот отстой, я его дома забыл, — сказал я.

Одна бровь у Эйрика поползла вверх.

— Ты все-таки пенис выбрал? — спросил Мехди и заржал.

Я показал ему средний палец и ухмыльнулся.

— Так, а вот это лишнее, — Эйрик показал на мой палец.

— Ой, да, точно. Простите.

Эйрик кивнул на мою парту, и я сел. Мехди толкнул меня в плечо и сунул мне в нос мобильник с часами.

— Чувак, ну ты чего? Все путем?

— От нас мама съехала, — ответил я.

Мы с Мехди стояли возле самой большой горки в скейт-парке.

— Чего-о? — переспросил Якоб. Он на полной скорости съехал вниз и втиснулся между нами, так что я едва не грохнулся.

— Съехала? Это кто съехал?

— Уймись, Якки. Оли важное рассказывает!

Мехди встал перед нами.

— Так, — он пристально смотрел на меня, — твоя мама съехала. Почему?

— Нашла себе другого мужика, — ответил я.

— И кто он? — поинтересовался Якоб.

— Какой-то врач. В западном районе живет.

Телефон у меня в кармане засветился. Я вытащил его и показал остальным. Теперь в списке контактов она значилась как *Юлия*.

— Она все время названивает, — объяснил я, — хочешь обсудить, кто где будет жить.

Я сбросил вызов и спрятал телефон обратно в карман.

— Кто где будет жить? — переспросил Мехди. — Ты чего, переезжаешь, что ли?

— Ты рехнулся? — хмыкнул я.

Когда я возвратился домой, папа опять сидел на кухне и смотрел в окно.

— Папа, ну слушай, — не выдержал я, — может, уже оденешься нормально?

Я открыл холодильник. Там лежали сыр и парочка авокадо, но ужин из этого не состряпаешь. Папа повернулся ко мне. Он был совсем бледный. — Будь это другое растение, она могла бы отросток взять, верно ведь? Но у деревьев бонсай никаких отростков не бывает. Их надо пересаживать целиком, с корнями.

Я открыл посудомоечную машинку. Столовые приборы он поставил так, чтобы вилки и ножи

смотрели вниз. Это она всегда требовала, чтобы мы так делали.

— Пап, а ты вообще сегодня ел? — я включил посудомойку.

— Я забывал поливать наш бонсай. Она на меня за это ругалась, потому что деревце изнутри сохло. Деревья бонсай надо каждый день поливать.

— Давай пиццу закажем? — предложил я.

Он кивнул.

— Давай закажем.

Мы заказали пиццу, я забрал ее у курьера, а потом мы с папой лежали на диванах и смотрели кино — не знаю какое, что-то про мужчину и женщину, которые то и дело ссорятся. Я переписывался с Мехди.

О: го гамать сегодня?

не_мехдиокр: ага.
в десять?

О: ок. чего делаешь?

В ответ он прислал мне ссылку на ютьюб-канал Леа — там у нее 50 000 подписчиков. Я отправил ему эмодзи с большим пальцем и отложил телефон в сторону.

Экран телевизора светился, и в отсветах я видел папино лицо. Глаза блестят, кожа совсем бледная. Может, он, как бонсай, тоже высыхает

изнутри? Экран телефона опять вспыхнул. Мама. «Давай завтра поговорим?» — пишет она. Я сунул телефон в карман и посмотрел на экран.

— Папа, а чего мы такое смотрим?

Он не ответил. Мужик на экране сидел за барной стойкой, уставившись в пивной стакан. Вскоре до меня донеслось тихое похрапывание — отец прямо перед сном всегда так храпит. Как говорила мама, всхрапнул — и уснул.

Я укрыв его пледом и погасил свет.

В ванной было невозможно развернуться. Корзину для белья, казалось, сейчас стошнит грязной одеждой. В углу валялись футбольные бутсы. В них отец играл на поле, которое принадлежит его конторе. Я запихнул штаны, свитера и носки в стиральную машинку и насыпал порошка. А вот с кондиционером для белья переборщил, и соседний с порошком отсек наполнился до краев.

Слишком много кондиционера не лей, это вредно для кожи. Ножи клади в посудомойку лезвиями вниз, чтобы мы не порезались, когда будем их доставать. И после десяти вечера никаких компьютерных игр.